
Контейнерная модель общества как исследовательская парадигма

© 2021 г. Л.В. Клепикова^{1*}, С.Н. Климов^{2**}

^{1,2} *Российский университет транспорта,
Москва, 127994, ГСП-4, ул. Образцова, д. 9, стр. 9.*

^{*} *E-mail: sevell1@rambler.ru,
ledyavy2005@mail.ru*

^{**} *E-mail: klisn@mail.ru*

Поступила 12.10.2020

В статье рассматривается контейнерная модель общества (КМО), которая использовалась на протяжении долгого времени в дисциплинах, занимающихся изучением общества, процессами его развития и изменения. В научный оборот зарубежных социально-гуманитарных наук КМО была введена пару десятилетий назад, но еще не является широко известной в отечественной науке. В статье прослеживается история формирования КМО и ее внедрения в научно-исследовательский аппарат зарубежных социально-гуманитарных работ, дается обзор монографии У. Бека, а также статьи Н. Глик Шиллер и А. Виммера. В основе КМО лежит взгляд на общество как на совокупность замкнутых в себе социальных групп – «контейнеров». До сих пор КМО применялась в качестве методологического инструмента, позволяющего пересмотреть прежние подходы и концепции, которые сложились в социальных и миграционных исследованиях. При этом вне исследовательского внимания оставался тот факт, что не только ученые, но и рядовые члены общества склонны систематизировать социальную действительность по принципу гомогенного «контейнера». Главная особенность КМО в современной реальности состоит в том, что она перманентно самовоспроизводится в общественных дискурсах, различного рода столкновениях и конфликтах. В статье предпринимается попытка показать не только методологический, но и теоретический потенциал КМО для отечественной науки. Учитывая принципы, на основе которых индивиды идентифицируют себя и других, социально-гуманитарные науки имеют возможность получить принципиально новый подход к изучению социальной сферы бытия, а также отойти от методологического догматизма в сфере социальных наук.

Ключевые слова: социальная философия, У. Бек, А. Виммер, Н. Глик Шиллер, контейнер, модель, социальные науки, общество, национальное государство, культура, граница, миграция, метод, социальная реальность, конфликт.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-15-24

Цитирование: *Клепикова Л.В., Климов С.Н.* Контейнерная модель общества как исследовательская парадигма // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 15–24.

The Container Model of Society as a Research Paradigm

© 2021 Liubov V. Klepikova^{1*}, Sergej N. Klimov^{2**}

^{1,2} Russian University of Transport,
9/9, Obratsov str., Moscow, 127994, Russian Federation.

* E-mail: sevell1@rambler.ru,
ledyavy2005@mail.ru

** E-mail: klisn@mail.ru

Received 12.10.2020

The article deals with the container model of society (CMS) which has been used for a long time in disciplines dealing with the study of society, the processes of its development and change. The term CMS was introduced into the scientific circulation of foreign social sciences and humanities about twenty years ago, but it is not yet widely known in the Russian social studies. The article traces the history of the formation of the KMO and its introduction into the research apparatus of foreign social and humanitarian works, provides an overview of the monograph by U. Beck, as well as the article by N. Glick Schiller and A. Wimmer. The CMS is based on the view of society as a set of closed social groups that are “containers”. Hitherto CMS has been used as the methodological tool, which allowed reconsidering the old approaches and the concepts formed in the social and migrant studies. However, the fact that not only scientists, but also ordinary members of the community, were inclined to systematize social reality like the puzzle of the homogeneous “containers”, was out of the researchers’ attention. The main peculiarity of the modern situation around CMS consists in the circumstance that CMS is reproducing itself permanently in the common discourses, in the various confrontations and conflicts. The article’s authors try to show not just the methodological, but also the theoretical possibilities of CMS for the social studies in Russia. In view of the principles, which the individuals use to identify themselves and others, the socio-humanitarian studies are capable to get a fundamentally new approach toward the analysis of the social field of the human existence as well as to diverge from the methodological dogmatism in the field of the social sciences.

Keywords: social philosophy, U. Beck, A. Wimmer, N. Glick Schiller, container, model, social studies, society, national state, culture, border, migration, method, social reality, conflict.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-15-24

Citation: Klepikova, Liubov V., Klimov, Sergej N. (2021) “The Container Model of Society as a Research Paradigm”, *Voprosy filosofii*, Vol. 8 (2021), pp. 15–24.

Стремительное развитие всего многообразия современного социального бытия делает необходимым изучение быстро нарождающихся новых социальных процессов и явлений. Возникая в разное время, в разных регионах, странах, эти явления и процессы после терминологического закрепления нуждаются в комплексных междисциплинарных исследованиях. Одним из таких социальных явлений выступает социальная контейнеризация, суть которой может быть описана через контейнерную модель общества (КМО).

Понятие КМО сравнительно недавно появилось в зарубежной социальной науке и еще малоизвестно отечественному исследователю. Из самого названия следует, что речь идет об определенной модели, в соответствии с которой общество моделируется по принципу своеобразных ячеек или «контейнеров», организованных по ряду социальных и культурных признаков. Актуальность обращения к КМО в современных гуманитарных и социальных исследованиях обусловлена тем, что она, с одной стороны, предлагает принципиально иной взгляд на социум, имеющий очень высокий уровень физической и социальной мобильности, а с другой стороны, КМО также можно рассматривать в качестве социальной парадигмы, которая характерна для современного общества, нуждающегося в перманентном «упорядочении» окружающей его реальности [Миронов, Миронова 2017]. Справедливо будет и утверждение, что изучение КМО является элементом современной гуманитарной науки, подлежащим философско-методологическому анализу [Пружинин 2007].

В данной статье решается ряд важных задач. Во-первых, есть необходимость проследить историю возникновения КМО в научной литературе, выявить, какие тенденции обусловили ее появление, чего стремились достичь исследователи, которые впервые употребили это понятие в своих трудах, какие недочеты они видели в работах своих предшественников и, главное, что они сами подразумевали под КМО. Во-вторых, представить направления развития понятия КМО в научных трудах последних лет, понять для чего и почему начали применять КМО. В-третьих, показать двоякую сущность КМО, а также его перспективность для продуктивного развития современной науки об обществе.

Генезис и история понятия КМО

Появление понятия КМО в науке связано с двумя работами. Первая – это фундаментальный труд политического философа и социолога У. Бека «Что такое глобализация?» [Бек 2001] (впервые эта монография вышла в 1997 г. на немецком языке, в нашей статье используется ее русскоязычный перевод, изданный в 2001 г.), вторая – англоязычная статья социолога А. Виммера и антрополога Н. Глик Шиллер «Методологический национализм и за его пределами: формирование национального государства, миграция и социальные науки» [Wimmer, Glick Schiller 2002].

Впервые о национальном «контейнере» У. Бек пишет в контексте бытования национального государства с момента его зарождения до начала тотальной глобализации. По мнению политического философа, национальные государства исполняют роль общественного стабилизирующего и унифицирующего механизма, «ибо во властном пространстве национального государства они [национальные общества] удобно устраиваются, словно в контейнере» [Бек 2001, 48]. Используя понятие «контейнер», У. Бек рассматривал его, скорее, как метафору, позволяющую наиболее адекватно отразить ситуацию, когда институт национального государства структурирует и приводит к догматическому единству такие аспекты социальной жизни, как язык, культуру, искусство, экономику и политический строй. В результате все общество в целом мыслится в соответствии со стандартизированным национальным принципом, где общество напрямую приравнивается к политическому институту.

А. Виммер и Н. Глик Шиллер, подобно У. Беку, использовали понятие КМО как удобную метафору, при этом преследуя несколько иные цели. Если Бек занимался теоретизацией глобализации в совокупности со всеми ее хитросплетениями, то Виммер и Глик Шиллер интересовались процессами миграции и инкультурации. Если говорить точнее, то главным их объектом была непосредственно исследовательская парадигма, господствующая в науках о миграции. Основную проблему выполненных в рамках данной парадигмы исследований Виммер и Глик Шиллер видели в систематическом «сужении аналитического фокуса до границ национального государства» [Wimmer, Glick Schiller 2002]. По сути, миграционные процессы принципиально интерпретировались как своего рода нарушение нормы. Проведение довольно обширного

историографического анализа позволило А. Виммеру и Н. Глик Шиллер выделить несколько этапов в складывании такой парадигмы.

Первый этап они поместили в хронологические рамки от 1870 г. до начала Первой мировой войны, когда полным ходом идет процесс заложения основ национального самосознания и одновременно с этим происходит становление института пограничного контроля и регулирования миграционных потоков.

Второй этап авторы связали с периодом от конца Первой мировой войны до Великой депрессии. Исследователи отмечают, что в это время существенно снижается уровень глобальной экономической интеграции, что способствует утверждению бытования общества в рамках национального государства как единственно возможной нормы. Фигура мигранта или мобильного индивида стала восприниматься как отклонение от общественной нормы.

Третий этап соответствует второй половине XX в. после окончания Второй мировой войны. Разделение всего мира на формально независимые друг от друга суверенные государства привело к тому, что понятие «народ» стало фигурировать в неразрывной связи с четырьмя проекциями: народ как суверенное единство, имеющее политическую власть; народ как совокупность граждан; народ как группа обязательной солидарности; народ как этническая общность с единой судьбой и культурой. Таким образом, чтобы быть полноценным членом социума, индивид должен был быть соотнесен с определенным народом, который приравнивался к государству. А оно, в свою очередь, трактовалось как совокупность стандартизированных этнических и культурных атрибутов. Дискурс общественно-гуманитарных наук, занимавшихся проблемами социальной мобильности и миграции, оказался в прямой зависимости от национального мышления.

Контейнерная модель общества, по мнению Бека, Виммера и Глик Шиллер, сформировалась под прямым влиянием идеи национального государства, которое, во-первых, утвердило бытование общества в своих рамках как единственную возможную норму и, во-вторых, негласно обозначило все проникновения в свой «контейнер» извне как нарушение данной нормы.

Объединяющим началом в работах Бека и Виммера с Глик Шиллер является то, что КМО используется для обозначения существовавшей парадигмы *post-factum*. Другими словами, исследователи, работавшие в ее рамках все это время, не применяли это понятие, поскольку для них разделение мирового общества на различные «контейнеры» было методологической нормой без какой-либо альтернативы.

Анализ положений, выдвинутых вышеназванными исследователями, позволяет сформулировать определение социального «контейнера», рассматриваемого в общественном дискурсе как гомогенная и статичная группа, сложившаяся под влиянием факторов человеческого происхождения, например, политического строя, идеологии, культуры, языковой политики и пр.

Характерной чертой в применении исследователем «контейнерной» парадигмы является сознательное упорядочивание им своего объекта изучения как совокупности статичных сообществ. Мобильность индивидов и обществ или игнорировалась социальными науками, или рассматривалась как «нейтральный набор процессов», который, хотя и влияет на формирование экономической, политической и социальной сфер жизни общества, не обладает причинообразующей силой [Урри 2012, 82]. Главное, что, в соответствии с «контейнерной» трактовкой, каждый индивид интерпретируется как перманентный носитель зафиксированного набора культурных качеств, якобы неотъемлемых для группы, к которой указанный индивид будет отнесен.

Стремление разделить мир на замкнутые культуры прослеживается на протяжении всего XX в. Достижения в естественнонаучной области, где выводились четкие законы и их следствия, обусловили заимствование естественнонаучных методов гуманитарными науками [Хайек 2003, 30]. Так, к примеру, национальная принадлежность выводилась из природно обусловленных факторов, к которым помимо территориального ареала расселения относили религиозную и языковую составляющие. Эту природную

детерминированность стремились доказать с помощью истории. Наглядными в этом смысле являются философские системы, разработанные К. Ясперсом и А. Тойнби.

Концепция «осевого времени» Ясперса, хотя и провозглашала зарождение некоего всеобщего духовного импульса, тем не менее также констатировала изначальное существование принципиально непохожих друг на друга «трех миров» (Китай, Индия и Эллада) [Ясперс 1991, 35]. В каждом из этих миров независимо культивируются на первый взгляд отличные, но при этом легко сопоставимые процессы: системы «обучения и воспитания», которым в Китае, по словам Ясперса, соответствует конфуцианство, в Индии – буддизм, а в античном ареале – эллинистически-римская образованность; политические достижения – создание империи Цинь Шихуанди, государства Маурьев и эллинистических государств (впоследствии поглощенных Римской империей) [там же, 36]. В соответствии с трактовкой Ясперса, все три цивилизации представлены как исторически целостные и самодостаточно замкнутые единства.

А. Тойнби в своей фундаментальной работе «Постижение истории» считал установленным фактом бытование многочисленных, но конкретных «обществ» (западное, православное христианское, исламское и др.), различия между которыми обуславливаются исторически-географическими факторами и преемственностью с определенными обществами-предшественниками (ученый видел неразрывную «сыновне-отеческую» связь между западным и эллинским обществами) [Тойнби 2008, 45, 50].

В XX в. происходит окончательный отказ от биологизаторского подхода в социальных науках, который во многом является заслугой французского этнолога и философа К. Леви-Стросса, разграничившего биологическое понятие расы и человеческой культуры, формирующейся под влиянием социологических и психологических факторов [Леви-Стросс web]. Философ сформулировал тезис о необходимости «сотрудничества культур», которое, по его словам, выполняло роль двигателя культурного прогресса, происходящего благодаря все новым культурным влияниям. «Сотрудничество» и культурный обмен должны происходить *постоянно*. При этом ни в коем случае нельзя допускать их слияния, ибо исчезнет разнообразие, и восполнение культурных и научно-технических пробелов станет невозможным. Этот пункт в философской системе Леви-Стросса стал объектом критики со стороны французского философа-постмарксиста Э. Балибара. Последний писал, что перспектива подобной «интеллектуальной гибели» [Балибар 2004, 32] заставила Леви-Стросса прийти к неоднозначному выводу о том, что культурные различия должны сохраняться всегда. При этом не указывались критерии, по которым можно было бы определить границы, где заканчивается сфера одной культуры и начинается сфера другой. В созданной Леви-Строссом социальной модели культура рассматривалась как независимая сущность, превалирующая над индивидами.

По словам Э. Балибара, «это “доказательство” Леви-Стросса немедленно удалось связать со “спонтанным” стремлением человеческих групп... сохранить свои традиции, и таким образом свою идентичность» [там же]. При отсутствии четких критериев того, что такое «культурный прогресс» и как он должен происходить, необходимость сохранения культур стала восприниматься как удержание культур в их фиксированных рамках.

Таким образом, социальная действительность оставалась «культурализованной» и за любой социальной группой по умолчанию закреплялась темпорально неизменная совокупность культурных отличий. В то же время отсутствовали методы, позволявшие классифицировать и конкретизировать эти отличия. Соответственно не было оснований априорно признавать изначальное существование самодостотачных, замкнутых культур, способных к «сотрудничеству». Поскольку «сотрудничество» подразумевает наличие нескольких полноправных партнеров, крайне маловероятно, что культурные системы с их внутренними противоречиями и вариациями могут быть отождествлены с такими партнерами.

Эта модель рассмотрения социальной реальности сыграла решающую роль в формировании «контейнерного» взгляда на общество, который, по словам У. Бека, А. Виммера и Н. Глик Шиллер, транслируется и воспроизводится посредством социальных

и гуманитарных наук. «Контейнерное», статичное бытование общества становится нормой, в то время как любые внешние проникновения в данный «контейнер» автоматически рассматриваются как процессы, нарушающие культурную «целостность» общества.

КМО в современной научной литературе

После своего появления концепция КМО начала активно использоваться в миграционных исследованиях, то есть в научной области, непосредственно занимавшейся процессами перемещения людей. КМО оказалась весьма продуктивной при изучении политики интеграции, применяемой правительствами большинства стран к мигрантам [Hess, Moser 2009]. Интеграционный императив, по словам этих авторов [ibid.], происходит из методологической ошибки миграционных исследований прошлых десятилетий, продвигавших «нормированное представление о гомогенном обществе как о краеугольном камне для мирного сосуществования» [ibid., 19]. Мигрант по умолчанию интерпретируется как составная часть другого «контейнера», вторгшаяся в границы «контейнера» принимающей страны. А значит, чтобы не нанести социальный или духовный вред себе или принимающему «контейнеру», мигрант должен «интегрироваться», то есть «раствориться» в потоке «главенствующей культуры» (Leitkultur) этого «контейнера». В противном случае интеграция считается несостоявшейся, и индивид маргинализируется. Характерно, что под «главенствующей культурой» всегда подразумевалась национальная культура конкретного государства, которая выступала в роли непреодолимой черты между «естественными» обитателями «контейнера» и мигрантами [Sökefeld 2007; Stock 2013].

В контексте новейших миграционных исследований КМО приобрела еще одну коннотацию, заключающуюся в том, что субъект (вне зависимости от своего физического местопребывания) в социальном плане *всегда* будет оставаться в «контейнере», с которым ассоциирует себя он сам или окружающее его общество. В соответствии с КМО мигрант, изначально принадлежащий определенному «контейнеру», будет презентовать собой набор социокультурных атрибутов «родного» «контейнера».

Обобщение взглядов вышеперечисленных авторов относительно КМО приводит к выводу о том, что данная концепция в довольно короткие сроки прошла непростой путь от научной метафоры, характеризующей довлеющую роль национального государства над восприятием социальной действительности, до ретроспективной парадигмы, чья функция заключается в демонстрации недостатков старых методологических подходов.

Методологические трудности использования КМО

Анализ имеющихся работ, рассматривающих понятие КМО, дает основание утверждать, что в них, в первую очередь, акцент делался на том, как эта модель влияет на научное осмысление социальной реальности. Между тем, на наш взгляд, ситуация с КМО – значительно более серьезна, потому что ее существование выходит далеко за рамки научной сферы. Критическое отношение к предшествующим исследованиям позволяет с конструктивной позиции указать на некоторые теоретические или методологические неточности этих работ. Но важно подчеркнуть, что особенность гуманитарных и социальных наук заключается в их прямой связи с объектом изучения – обществом. При этом ученые, которые занимаются исследованиями социума, одновременно сами являются частью данного социума и, соответственно, находятся под его непосредственным воздействием. Прежние социологические теории и методологические подходы, которые критиковали А. Виммер и Н. Глик Шиллер, были сформулированы, исходя из социальных установок, укорененных в обществе в начале – середине XX в. Аналогично происходит и с научными концепциями. В отличие от естественнонаучных дисциплин, социально-гуманитарные сферы знания, с одной стороны, формируют

социальную картину мира, а с другой – используют общедоступный язык, понятный в том числе и неспециалисту. Чтобы показать особенности функционирования КМО на «обывательском» уровне, есть смысл обратиться к феномену границы, являющемуся ключевым для формирования и размежевания «контейнеров».

Граница, как и любое понятие, нуждается в уточнении. В данном контексте речь идет о границе как символической линии, которая отделяет одно замкнутое пространство от других окружающих его замкнутых пространств. Общество, оказывающееся внутри этого пространства, должно быть гомогенизировано по принципу обладания его членами определенного набора культурных качеств. КМО – замкнутое пространство, заключенное в четких границах, которое представляет собой своего рода социокультурный «контейнер». Представитель конкретного общества будет рассматриваться как носитель фиксированного набора ценностей и традиций. По «контейнерной» же логике индивид, пересекший границу, то есть прибывший из другого «контейнера», к таким носителям причисляться не будет. От него ожидается «усвоение» ценностей принимающего «контейнера», интегрирование в общество. Критерии, по которым можно было бы измерить степень интегрированности индивида, зачастую оказываются довольно размытыми, вследствие чего символическая граница между индивидом и принимающим обществом перманентно отодвигается [Sökefeld 2007, 45].

При этом необходимо учитывать, что в ситуации отторжения со стороны главенствующего в данном пространстве «контейнера» будет, как правило, находиться не единственный индивид, а группа индивидов. Постепенно в замкнутом пространстве наряду с главным «контейнером» возникают малые «контейнеры». Причем со стороны участвующих в этом процессе индивидов подобный процесс будет выглядеть «естественным» по причине того, что отнесенные к главному «контейнеру» люди по умолчанию позиционируются как обладатели унифицированного набора качеств и ценностей, которые представители малых «контейнеров» «не в состоянии» перенять. Результатом становится постепенный рост социальной напряженности, вызванный прежде всего тем, что границы, до сих пор выступавшие в роли гаранта «правильного» функционирования заключенного в них общества, выглядят нарушенными и неспособными восстановиться.

В общественном дискурсе индивиды, помещенные в «малые контейнеры», интерпретируются как «инородные тела», источник потенциальной угрозы, что ведет к социальному алармизму [Braidotti 2013], предполагающему два основных варианта развития событий. Первый – это «терпимость» общества большинства к малым «контейнерам», при которой «инаковость» допустима до тех пор, пока малые «контейнеры» существуют параллельно «главному». Второй – это скрытая или явная конфронтация между «контейнерами».

Непохожесть и отличия между индивидами из разных «контейнеров» воспринимаются с позиции атрибутов определенных обществ, всегда разделенных линией границы.

Перспективы применения КМО

КМО затрагивает много пластов жизни общества, в числе которых приоритетны политическая, социальная и духовная сферы. В отличие от А. Виммера и Н. Глик Шиллер, мы полагаем, что КМО нельзя рассматривать исключительно как методологический инструмент для исследования миграционных процессов, который можно заменить другим при изменении подхода к их изучению. В определенной степени гуманитарные науки создают матрицу, выполняющую функции упорядочивания социальной действительности. На протяжении многих десятилетий и даже столетий преобладавшая в социально-гуманитарных исследованиях «контейнерная» парадигма давно оформилась в качестве устоявшейся модели, сквозь призму которой члены общества воспринимают себя, определяя свое место в нем. Примечательно то, как феномен «инаковости» экстраполируется в условиях современной реальности. Наличие у определенного индивида тех или иных отличительных черт (в образе жизни, в манере поведения, в социальных привычках) будет восприниматься в зависимости от того,

относится ли он к «контейнеру» тех, кто его «оценивает», или же между ними лежит незримая «граница». Во втором случае инаковость в рамках социального дискурса преобразуется в совокупность черт, подтверждающих и укрепляющих данную «границу».

Механизм подобного «преобразования» функционирует настолько долго, что его невозможно устранить только путем нахождения методологических просчетов в научных работах по гуманитарным дисциплинам. Причем данный механизм может быть применен как сознательно (например, в целях политической пропаганды или построения идеологий), так и неосознанно (в случаях спонтанных столкновений на этнической, религиозной или культурной почве, при высокой жизнеспособности различных культурных и национальных стереотипов). Главная сложность заключается в том, что, предоставляя возможность взглянуть на социальную действительность под новым углом зрения, КМО в то же время описывает вполне реальные проблемы современного общества.

Исходя из вышеназванных обстоятельств, закономерен вопрос относительно перспектив внедрения КМО в современную российскую социально-гуманитарную науку.

На наш взгляд, использование КМО может быть продуктивно как в методологическом, так и в теоретическом плане.

В качестве методологического регулятива «контейнерная» парадигма может расширить исследовательский инструментарий.

Во-первых, применение «контейнерного» подхода не позволит оказаться в так называемой «территориальной ловушке», то есть избавит от ошибки структурировать изучаемый предмет социальной реальности как совокупность однородных групп и обществ. КМО предполагает более гибкий взгляд на общество как объект изучения, позволяя рассматривать все общественные процессы, их пересечения и взаимодействия во всей их сложности, априорно не относя акты пересечения «границы» к социальным аномалиям. Общество будет анализироваться не как статичный объект, а как подвижный социальный организм, склонный к перманентным изменениям.

Во-вторых, использование КМО дает возможность в определенной степени абстрагироваться от общества (частью которого исследователь в любом случае будет оставаться), позволив ученому отразиться собственную идентификацию с определенным «контейнером». Принадлежность индивидов к «контейнерам», а также то, каким образом происходит конструирование «контейнера» и регулирование отношений между разными «контейнерами», тоже будет отнесено к исследовательским проблемам. Являясь одновременно теоретической концепцией, КМО признает как факт «контейнерное» строение самого общества, так как индивиды всегда будут склонны «контейнеризировать» окружающую их социальную реальность и относить самих себя к определенному «контейнеру».

В этом свете КМО способна выступить в качестве концепции, которая непосредственно акцентирует внимание на феномене конфликтности как неотъемлемой составляющей общества. Стремление индивидов к постоянному структурированию социального пространства вокруг себя нередко сопряжено с восприятием общества как более-менее стабильного образования, для нормального функционирования которого изменения противопоказаны.

На этом фоне генерация различных конфликтов на этнической, религиозной, языковой и т.д. почве становится естественным последствием социальной жизни. При этом стоит иметь в виду, что конфликт неизбежно будет обозначать непосредственное насилие или даже военное столкновение. В качестве такового может выступать перманентная дискриминация одной группы со стороны другой, взаимное психологическое давление, оказываемое различными источниками информации, разного рода стереотипы, используемые представителями одной группы для описания «чуждого» им «контейнера».

Заключение

Контейнерная модель общества, роль которой изначально заключалась в критике ранее разработанных социально-гуманитарных теорий, является новой концепцией, обладающей определенным эвристическим потенциалом. С одной стороны, она может применяться в качестве методологического регулятива, позволяющего исследователю общественных процессов уйти от взгляда на социум как на неподвижную совокупность замкнутых в себе социокультурных групп. С другой стороны, КМО может быть использована как теоретический конструкт, позволяющий анализировать различные социальные столкновения и конфликты под принципиально новым углом зрения. В таком случае конфликт может рассматриваться как закономерная составляющая общественной жизни, что, соответственно, расширит исследовательское поле для анализа факторов его возникновения.

КМО предполагает расширение границ исследования современного социума с позиции его пластичности и изменчивости. «Контейнерная» методология – инструмент своеобразной гибкой настройки, применяемый в целях критического анализа процессов распада и интеграции в современном социуме.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Балибар, Валлерстайн 2004 – Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос, 2004 (Balibar, Etienne, Wallerstein, Immanuel, *Race, nation, classe. Les Identités ambiguës*, Russian Translation).

Бек 2001 – Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьева, В.М. Седельника: Прогресс-Традиция, 2001 (Beck, Ulrich, *Was ist Globalisierung? Irrtümer des Globalismus – Antworten auf Globalisierung*, Russian Translation).

Леви-Стросс web – Леви-Стросс К. Раса и история // ModernLib.Ru. URL: http://modernlib.ru/books/levistross_klod/rasa_i_istoriya/read/ (Lévi-Strauss, Claude, *Race et histoire*, Russian Translation).

Тойнби 2008 – Тойнби А. Постигание истории / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова под ред. В.И. Уколовой, Д.Э. Харитоновича. М.: Айрис-пресс, 2008 (Toynbee, Arnold J., *A Study of History*, Russian Translation).

Урри 2012 – Урри Дж. Мобильности / Пер. с англ. А.В. Лазарева. М.: Праксис, 2012 (Urry, John, *Mobilities*, Russian Translation).

Хайек 2003 – Хайек Ф.А. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом / Пер. с англ. Е.М. Николаенко: ОГИ, 2003 (Hayek, Friedrich, *The Counter-Revolution of Science: Studies on the Abuse of Reason*, Russian Translation).

Ясперс 1991 – Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. М.И. Левиной. М.: Политиздат, 1991 (Jaspers, Karl T., *Vom Ursprung und Ziel der Geschichte*, Russian Translation).

Ссылки – References in Russian

Миронов, Миронова 2017 – Миронов В.В., Миронова Д.В.Г. Мультикультурализм: толерантность или признание? // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 16–28.

Пружинин 2007 – Пружинин Б.И. Гуманитарная наука как предмет философско-методологического анализа (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2007. № 6. С. 77–80.

References

Braidotti, Rosi (2013) “Becoming-world”, Braidotti, Rosi, Hanafin, Patrick, Blaagaard, Bolette B., *After Cosmopolitanism*, Routledge, New York, pp. 8–27.

Hess, Sabine, Moser, Johannes (2009) “Jenseits der Integration. Kulturwissenschaftliche Betrachtungen einer Debatte”, Hess, Sabine, Binder, Jana, Moser, Johannes, *No integration?! Kulturwissenschaftliche Beiträge zur Integrationsdebatte in Europa*, Transcript Verlag, Bielefeld, S. 11–25.

Mironov, Vladimir V., Mironowa, Dagmar W.H. (2017) “Multiculturalism: Tolerance or Acceptation?”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 6, pp. 16–28 (in Russian).

Pruzhinin, Boris I. (2007) “The Humanities as an Object of Philosophical and Methodological Analysis (a Round-table Discussion)”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 6, pp. 77–80 (in Russian).

Sökefeld, Martin (2007) “Zum Paradigma kultureller Differenz”, Jöhler, Reinhard, Thiel, Ansgar, Schmid, Josef, Treptow, Rainer, Hg., *Europa und seine Fremden: die Gestaltung kultureller Vielfalt als Herausforderung*, Transcript Verlag, Bielefeld, S. 41–57.

Stock, Miriam (2013) *Der Geschmack der Gentrifizierung. Arabische Imbisse in Berlin*, Transcript Verlag, Bielefeld.

Wimmer, Andreas, Glick Schiller, Nina (2002) "Methodological Nationalism and Beyond: National-state Building, Migration and the Social Sciences", *Global networks. A Journal of Transnational Affairs*, Vol. 2, No. 4, pp. 301–334.

Сведения об авторах

КЛЕПИКОВА Любовь Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия» Российского университета транспорта (МИИТ).

КЛИМОВ Сергей Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры «Философия, социология и история» Российской открытой академии транспорта Российского университета транспорта (МИИТ).

Author's Information

KLEPIKOVA Liubov V. – CSc in Philosophy, Associate Professor at the Department of Philosophy, Russian University of Transport.

KLIMOV Sergej N. – DSc in Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Sociology and History, Russian Open Academy of Transport, Russian University of Transport.